

Е.В. ШАБАЛИНА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ ВОЛОГОДЧИНЫ: СОРОК ПЛЕШИВЫХ

Работая во время летнего сезона 2005 г. в Кадуйском р-не Вологодской обл., участники Топонимической экспедиции Уральского государственного университета записали ряд фактов из разряда метеорологической магии: «Когда морозы зимой и долго морозит, надо сорок плешивых мужиков насчитать» (Куракино); «Когда морозит долго — так сорок плешанов надо насчитать» (Капчино); «Когда зимой холодно, то, чтобы потеплело, надо, говорят, сорок плешивых сосчитать. Тогда и потеплеет» (Бережок); «Ой, надоел холод — считайте сорок плешивых. А где ж наберёшь сорок-то плешивых? Тепло чтоб было плешине, так, может, поэтому» (Ларионовская); «Зимой морозы — дак надо сорок плешивых мужиков сосчитать, морозы-те смягчают. А где взять столько в деревне? Плешивы-то больше попы были, не мужики» (Ларионовская); «Сорок плешивых надо сосчитать весной. Теплее будет. Это в марте-апреле считали, когда рассаду сажали» (Кузьминка); «Чтоб мягкая погода была, сорок плешивых мужиков сосчитай. А почему сорок? Это какое-то святое» (Бор) и т.п.

Судя по приведенным контекстам, данное магическое действие имеет календарную приуроченность к концу зимы или началу весны. Однако неясным остается смысловое наполнение числового показателя 40, а также механизм влияния «плешивых мужиков» на погодные условия.

Некоторые информанты соотносят время, когда следует пересчитать сорок плешивых, с православным праздником Сорока мучеников/Сорока святых, отмечаемым 22 марта (9 марта по ст.ст.): «Когда морозит долго — сорок плешивых насчитать. Сорок плешивых насчитают — морозы перестанут. Сорок морозов считают до Егория от Сорока мучеников. Если от Сорока мучеников не прошло сорок морозов, значит, летом морозы будут» (Бережок); «Сорока-то мучеников есть. Говорят, после того сорок морозов. Так чтоб

Участники Топонимической экспедиции Уральского гос. университета. Слева направо: верхний ряд — А. Тихомирова, Ю. Кривошапова, О. Атрошенко, Е.Л. Березович, А. Макарова, Е. Шабалина; нижний ряд — К. Пьянкова, О. Усольцева. Фото М.Н. Толстой

их не было, считали сорок плешивых мужиков» (Старостино).

Число 40, заявленное в самом названии праздника, имеет магическую коннотацию, которая проявляется в различных манипуляциях с рядом из сорока предметов (в основном это выпечка). Например, ко дню Сорока мучеников принято печь сорок «жаворонков», галушек или шариков. Этой выпечкой кормят домашних птиц, чтобы обеспечить семье благополучный сельскохозяйственный год, или же выбрасывают ее за окошко, «прикармливая» и «задабривая» мороз, чтоб он поскорее закончился [1. Т. 4. С. 275]. Ср. полесские обряды: «Як празник Сорок-святые, кажуць, трэба сорок палок перэкинуць через хату (до сонца), шоб яец набраць багато»; «Сорока гуляюць вясною. У еты дзень я яку сорок панпушак и трэба, коб усе их зъела адна баба. Хлопцы кладуць калоду, наверх дошку, и дзеўки скачуць, пудбиваюць адзін другога. Хто панпушкі еў, а хто клаў да пасеўной, коб у поле ўзяць» [2. С. 231—232].

Примечательно, что названные действия направлены на «зазывание» весны или же имеют продуцирующее значение. В связи с этим можно про-

вести параллель с калужским обрядом *греть весну* (основным содержанием которого является разведение костра и исполнение весенних закличек). Вероятно, данный обычай опирается на представление о том, что в один из ранневесенних праздников в землю попадает частичка небесного огня, от которого она начинает согреваться [3. С. 9—18].

Идея «небесного» влияния на погоду отражена и в христианском предании о сорока мучениках: чтобы заставить 40 воинов-христиан отречься от веры, их сначала заключили в темницу, а потом приговорили к побитию камнями — камни летели мимо; тогда воинов раздели и поставили на лед Севастийского озера; но вскоре Господь послал им спасение: лед растаял, вода в озере стала теплой, и над головой каждого появился нимб; утром было приказано всех казнить, а тела сжечь на костре и бросить в озеро [4. С. 86; 5. С. 57—58]. Данный сюжет актуален для восточнославянской культурной традиции. Ср., например, текст, записанный в Карелии: «Сорок мучеников рубили и бросали в воду, а они выходили. Так ни одного и не смогли убить. Чёрт плюнул и пошёл

прочь. [Христос тоже был среди них:] Исус стоял и его рубили» (таким образом, Христос становится одним из сорока мучеников) [4. С. 86—87]. Белорусский текст включает новые сюжетные элементы: «Сорок святые, это святать их. Сорокосвятые, йих Бог послаў на воду, гдэ лид замэрзаэ, оны босы стоелы. Адын каже: "Я пойду, я нэ выдэжду", — так вин пошоў у контору. А той с канторы вылез и пошоў туды на лид стаў. О. Сорок святые это святать их. Бо воны, значыць, на лёду столы. Сорок чоловика. То и называють — сорокосвятые» [4. С. 86—87]. В приведенном рассказе отражен один из вариантов церковного предания, в котором упоминается баня, затопленная на берегу для тех, кто отречется (см. «контора»), и замена единственного вероотступника человеком из числа стражников.

Еще одной сюжетной параллелью к *сорока плешивым* и преданию о сорока мучениках может служить ритуал «согревания покойников», который осуществляется в холодное время года (зимой или ранней весной). Основу его составляет разведение поминального костра [6. С. 164—178; 7]. Возможно, данный ритуал мотивирован представлением о лютом холоде, царящем в преисподней.

Анна Егоровна Пелевина из д. Алявино. Фото М.Н. Гафуровой

Итак, мы можем предполагать, что пересчитывание *сорока плешивых*, если приурочивать его ко дню Сорока мучеников и квалифицировать как составную часть весенней обрядности, имеет двунаправленный характер: с одной стороны, данное действие нацелено на улучшение погоды (и в этом отношении сопоставимо с «согреванием весны»), с другой — поддерживает память о сорока святых (в чем проявляется его близость к ритуальному «согреванию покойников»). Ср. в полесской традиции: «На Сарака безпрэменна трэба скакаць на дошцы, штоб нагрэцца за тых бедненьких мучэннікаў, што не маюты як нагрэцца померзли на сьмерць» [2. С. 232]. Специфика зафиксированного нами обычая заключается в том, что вместо «реального» действия (разведение костра, подпрыгивание на доске) или вербальной формулы, выражающей основной смысл праздника, выполняется «ментальная» операция (пересчитывание).

«Земное» воплощение сорока мучеников в виде «плешивых мужиков» допускает различные интерпретации. Опираясь на ряд коннотаций, которыми наделяется *лысына/плешь* в восточнославянской традиции (см.: [8]), мы можем предложить следующие версии:

- Соотнесение лысины с нимбом как основным признаком святости (ср. с сияющим нимбом, появившимся над головой каждого из сорока мучеников). По этимологическим данным, лексема *лысый* возводится к и.-е. *leuk* 'светить', 'светлый, блестящий' [9. Т. 17. С. 50]. Ср. *лыситься* (безл.) 'проясняться (о небе)' [9. Т. 17. С. 224]. Цветовая символика *лысого* прослеживается и в лексемах иного порядка — номинациях животных: ср. *лысанко* 'кличка лошади с белым пятном на лбу'; *лысатый* 'с белым пятном на лбу (о животном)'; *лысатка*, *лысёна*, *лыска* 'кличка коровы с белым пятном на лбу' [10. Вып. 17. С. 223—224];

- Народное представление о плешивости как отличительном признаке священнослужителя. Ср. выше: «Плешивы-то больше попы были, не мужики» (Ларионовская). Такая связь имеет под собой реальное основание, поскольку в православной и католической традиции существует обычай выстригать макушку при посвящении в сан;

- Персонификация мороза в виде «лысого». Предположение о возмож-

ности такой персонификации высказывается Т.В. Володиной с опорой на белорусский фольклорный материал, в частности, приводится отрывок из песни: «Смерти, смерти, иди на лесы, // Иди на безвесть, иди на море. // И ты, Морозе, великий, а лысый, // Не приходи до нас из своей коморы» [5. С. 12];

- Лысына как отклонение от нормы и показатель неких сверхъестественных способностей (в нашем случае — способности влиять на погоду). Ср. текст, записанный в с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл. (Украина): «[Когда] морос у зимі, так мороз доўго, доўго не.. w нас кажут, *не перепукат с'а* морос. Но та треба личити [считать] дэўжат' лысых, дэўжат' кылавых [с грыжей] та дэўжат' хромых. Треба наличити уw одному селі, шобы было <...> Треба наприклад мені тепер' наличити, та дуже бы ми подумати, оби-м ја најшла.. с'ўл'ко, с'акый шчот усых [всех], та не мош наличити, та ишче морос не перепукне...» [11. С. 478]. *Лысый*, *кылавый* и *хромой* входят в один смысловый ряд и скрепляются общей семой «ненормативности». Такая рядоположенность нивелирует «самостоятельную» символику лысины, и, как следствие, ослабляет связь обычая считать *сорок плешивых* с днем Сорока мучеников (чему способствует также мена числового компонента: 9 вместо 40).

Варьирование числовых показателей в контекстах указывает на то, что информанты в различной степени осознают закрепленность обычая за конкретной календарной датой: «Весной, чтобы заморозки кончились, считали сто плешивых мужиков» (Заяцкое); «Двенадцать плешатых сосчитай — потеплеет, плешаты-те почему? Не знаю. Было двенадцать апостолов, можёт, от них» (Сосновка) (ср. также приведенный выше украинский текст).

Если же рассматривать обычай считать *сорок плешивых* вне связи с весенним обрядовым циклом, то можно установить его родство с обрядом *молить ветер*, бытующим у архангельских поморов. При его исполнении женщины выкрикивали: «Восток да обедник, // Пора потягать, Запад да шалоник, // Пора покидать. // Тридевять плешей // Все сошитаннные, // Перешшитаннные, // Востокова плешь // По середине пошла» [12. С. 113]. Очевидно, в тексте реализуется тот же мотив влияния *лысо-*

го/плешивого на погодные условия. Последние две строки наводят на мысль о персонификации ветра в виде некоего плешивого существа. Ср. номинации *безрукый* 'о ветре' [10. Вып. 2. С. 199], *безрукой* 'очень сильный (о ветре)', *безручник* 'мифическое существо — дух вихря' [13. Т. 1. С. 88].

Обряд *молить ветер* не имеет определенной календарной привязки, однако в нем также фигурируют числовые показатели. В приведенном тексте упоминается «*тридцать плешей*», в описании того же обряда, данном в Мезенском р-не Архангельской обл., появляется число 40: «Плехатых считали: сорок плехатых насчитали, чтобы ветер был» [14]. Сюда же можно отнести и факт метеорологической магии, зафиксированный в Витебской губернии: для вызывания дождя произносили имена 12 известных плешивых [15. С. 215, № 1674].

Связь «ветер/дождь — плешь» выводит нас на весьма интересную линию, уходящую за пределы не только русской, но и европейской традиции и требующую подробной разработки. Так, в казахских призывах к духу ветра упоминается лысая голова. У туркмен ветер, дующий на Бакам-гаше, именуется *кел-кер* 'плешивый слепой'. В персидских текстах, направленных на вызывание дождя, также упоминаются плешивые [16. С. 108]. Не располагая достаточным количеством такого рода фактов, мы можем лишь констатировать принадлежность данного мотива глубинному архетипическому пласту культуры.

Числовые компоненты, встречающиеся в приведенных контекстах (*сорок, двенадцать, сто, девять, тридцать*), выступают, очевидно, в качестве контекстуальных синонимов с общей семантикой множества. Кроме того, каждое из этих чисел занимает свое место в сфере традиционной культуры и является значимым элементом народного числового ряда. Исключением можно считать только числительное *сто*, которое не обладает ярко выраженной культурной коннотацией и связано с практикой «бытового» (а не «магического») счета.

Ядром нашего числового ряда является *сорок*. В русской традиции это наиболее популярное число для обозначения неопределенного множества. Слово *сорок*, закрепившееся в

восточнославянских языках (изначально — как счетная единица), в силу краткости своей формы имеет большие возможности для образования дериватов и функционирования в устойчивых сочетаниях, ср. коллекцию фактов в работе А.Ф. Журавлева [17]. Однако факты других славянских языков (особенно южнославянских) также указывают на популярность этого числового обозначения, не обусловленную формальной оболочкой слова (ср. болг. *четридесет*, с.-х. *четрдесет*). В неславянских культурах *сорок* обладает сходным смысловым потенциалом: ср. рус. *сорокоградье*, итал. *quadraginta castella* 'сорок замков', тюрк. *qirq-yer* 'сорок местностей'. Широко представлена символика 40 в библейских текстах: 40 дней и ночей шел дождь, вызвавший потоп; 40 дней провел Моисей на горе Синай; 40 лет евреи скитались по пустыне; 40 дней проходит от Воскресения до Вознесения. Возможно, в предании о сорока мучениках числовой показатель также мотивирован связью с библейской традицией. По мысли А.Ф. Журавлева, *сорок* воплощает идею очерченности и полноты, что позволяет ему, с одной стороны, выступать в качестве счетной единицы, с другой — обозначать некое «округленное» множество.

Для *двенадцати* в христианской традиции наиболее актуальной опять же является библейская символика — соотношение с двенадцатью апостолами. В нашем случае такого рода ассоциации вполне закономерны, если мы принимаем версию о символическом воплощении мучеников в виде «плешивых мужиков».

Текст, записанный в селе Синевир (см. выше), расширяет ряд контекстуальных числовых «синонимов» за счет включения числительного *девять*. Функционирование *девятой* в качестве показателя множества может объясняться заложенной в нем идеей «интенсивного» (утроенного) числа 3 (которое, в свою очередь, в архаических культурных традициях наделяется символикой динамической целостности). Ту же идею (но с большей интенсивностью, поскольку это уже 3х9) транслирует *тридцать*.

Наличие числовых вариаций, а также замена лысины другими корпоральными недостатками, казалось бы, препятствуют утверждению о связи анализируемой магической прак-

тики с конкретной календарной датой (праздник Сорока мучеников). Однако наш материал, демонстрирующий особенности локального бытования общих для восточных славян представлений, позволяет все же установить довольно прочную корреляцию «сорока плешивых» с сорока мучениками в рамках изучаемой традиции (вологодские говоры).

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880—1882 (1989). Т. 1—4.
2. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
3. *Агапкина Т.А.* Калужский обряд «греть весну» и его славянские параллели // Славянские этюды: Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 9—18.
4. *Белова О.В.* «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды. М., 2004.
5. *Громова И.А.* Православные и народные праздники. М., 2005.
6. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994.
7. *Агапкина Т.А.* Славянский обычай «обогревания покойников» // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 43—46.
8. *Володина Т.В.* Лысый и лысина в восточнославянской народной культуре // ЖС. 2001. № 3. С. 11—12.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—. Т. 1—.
10. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.
11. *Толстая М.Н.* Несколько текстов из села Синевир // Славянские этюды: Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 477—490.
12. *Бернштам Т.А.* Традиционный праздничный фольклор в Поморье во второй половине XIX — начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 88—115.
13. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
14. Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета.
15. *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
16. *Азим-Заде Э.Г.* Русско-славянская астрономическая и метеорологическая терминология в сравнительно-историческом и типологическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
17. *Журавлев А.Ф.* Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002. С. 253—261.